

А.И. Куропятник

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Проблема стабильности полиэтнических обществ является одной из важнейших в современных социальных науках. Мультикультурализм и полиэтничность выступают в связи с этим центральными темами научных, политических и общественных дискуссий, которые ведутся на протяжении нескольких десятилетий в большинстве индустриально развитых стран мира [1, S. 493; 2]. При этом анализу подвергаются не только социальные явления и процессы, исследуемые через призму указанных категорий, но и сами эти термины, их сущность, возможности теоретического и прикладного использования для решения проблем интеграции современных национальных обществ.

В соответствии с национальной научной традицией или теоретической ориентацией отдельных исследователей мультикультурализм и полиэтничность рассматриваются то как феномены тождественные, то как существенно между собой различающиеся. В одном случае этническое многообразие населения страны является одновременно априорным признанием его культурного плюрализма, в другом феномен мультикультуральности непременно дополняется, а часто и просто подменяется этническими категориями. Например, немецкая исследовательница М. Контос специально подчеркивает, что мультикультуральные общества являются прежде всего обществами полиэтничными. Это означает, что реальность их существования определяется не только этнокультурным самосознанием индивидов, но и возникающими на этнокультурном основании социальными структурами. Мультикультуральное общество, таким образом, это не простое сосуществование индивидов, имеющих различное этническое происхождение, но социальная система, в рамках которой этнические социальные структуры являются частью социальных структур общества [3, S. 89]. В этом случае этнические, религиозные, культурные параметры социальных коллективов накладываются друг на друга, а культурные группы рассматриваются как различные этнии [4, S. 107]. Во многом этому способствует изменение взгляда на природу и сущность этничности.

Культурными отличиями первостепенной важности для этничности являются те, которые люди используют для распознавания и обозначения границы своего коллектива. «Если этничность является социальной организацией культурных различий, — пишет Ф. Барт, — то нам необходимо пересмотреть привычные концепции того, что мы понимаем под культурой. То, что мы понимаем

Куропятник Александр Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 193060, ул. Смольного, 1/3, 9 подъезд.

Тел.: (812) 110-00-77.

как культуру, без сомнения, имеет эмпирическую ценность, которая будет релевантна нашему понятию этничности» [5, р. 13]. Известно, что каждая культура имеет свои специфические механизмы воспроизводства. Она аккумулируется в каждом из нас и соответствует нашему пониманию идентичности. Признание постоянных глобальных вариаций в культуре не позволяет разделять ее на отдельные интегрированные целостности. Последние легко соотносятся с концепциями этничности и создают иллюзию этнокультурной гомогенности, которую трудно обосновать эмпирически, но которая часто манифестируется как важнейшая социальная ценность [6, S. 70–73; 7, S. 81–83]. Впрочем, по справедливому замечанию П. Дегер, примордиальное видение общей этничности населения как основы государства не соотносится с идеей мультикультурального общества [4, S. 107].

Между тем, истории неизвестны общества гомогенные в этническом и культурном отношении. Даже те из них, которые служат воплощением национального единства, обладают собственными национальными культурами, системами правления и суверенитетом над территорией, – т.е. общества национальные, – не являются обособленными от мира образованиями, стагнирующими от нескончаемого воспроизводства чеканных «истинных» культурных образцов и стереотипов, а составляют часть мировой системы национальных государств, существование которой возможно лишь при условии сотрудничества, взаимодействия, обмена технологиями, культурным достоянием и миграционными потоками [8, S. 174]. На региональном и локальном уровнях, когда этнокультурная гомогенность социальных образований или этнических анклавов представляется исследователю или стороннему наблюдателю вполне очевидной [9, S. 149], при более внимательном знакомстве с данными образованиями обнаруживаются локальные варианты культуры в пределах одной этнической общности, существенно между собою различающиеся, и наоборот, в полиэтнических обществах общность культурных комплексов является столь значительной, что в ряде случаев удается лишь выделить отдельные этноспецифические артефакты. Такое единство регионального культурного комплекса стало основой регионального подхода в этнологии как зарубежной, так и отечественной.

В несколько иной научной и политико-инструментальной трактовке идея регионального подхода, основанного на признании равноправного статуса этнических групп и их культур, социокультурного единства и общности исторических судеб населения конкретного региона была также предложена и частично разработана в социологии [10, с. 6; 11, с. 3–10].

Однако региональная и локальная поли- и монокультурность, имеющая отражение на разных уровнях в особенностях этнической самоидентификации, не рассматривалась специально через понятие мультикультурализма. Более того, этот термин не применялся вплоть до недавнего времени и для характеристики региональной вариативности, а часто и различия культур в пределах национальных обществ, которое компенсировалось в общественном мнении осознанием их исторического единства, «спаянности» (А.С. Мильников), а также наличием общей культурно-национальной или политической идентичности, выражавшейся в политониме – французы, бельгийцы, голландцы, англичане, – лишенном этнического содержания [12, с. 46–47; 282, 328]. Для этой цели использовались такие термины как этнический и культурный плюрализм, ком-

пенсировавшие вплоть до начала 1980-х гг. весьма редкое использование термина «мультикультурализм». Однако в них явно преобладало дескриптивное значение [13, S. 235–261], ориентированное в первую очередь на описание процесса этнокультурной плюрализации национальных обществ, их демографических параметров.

Мультикультурализм представляет собой особую форму интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни [14, S. 29].

В социальных науках существует, по крайней мере, три уровня понимания мультикультурализма:

– демографический и дескриптивный, сущность которого состоит в описании изменений демографических и этнокультурных параметров национальных обществ, происходящих как вследствие внутренних, так и внешних причин. Важнейшей из них выступает миграция, в результате чего мультикультурализм как на институциональном, так и на обыденном уровнях иногда понимается как политика интеграции мигрантов в принимающее общество [15, с. 33; 4, S. 107];

– идеологический, в рамках которого обсуждаются варианты национальных идеологий, например, полиэтнического национализма в Австралии, культурной коммуникации, межкультурного взаимопонимания, соответствия и различий ценностей, норм, морали контактирующих между собой этнокультурных общностей, национальных меньшинств и национального большинства;

– политический, предполагающий практическое решение вопросов политического и культурного равноправия национального меньшинства и большинства, реализацию программы поддержки и социальной защиты меньшинств [16; 17, p. 119–121].

Мультикультуральное общество не является гармоничным по определению. Оно довольно быстро становится жестким, конфликтным, если в его границах сталкиваются разные культурные группы, положение которых усугубляется социальным неравенством [8, S. 175]. Поэтому идеи национального единства занимают центральное положение в социальной политике государства, предусматривающей комплекс специальных мер, политических решений, социальных технологий по нейтрализации или частичному устранению последствий глобальной интеграции, сокращению и регулированию иммиграционных потоков, приостановке темпов этнокультурной плюрализации, разработке и внедрению программ поддержки национальных и культурных меньшинств. Обеспечение социального равенства меньшинств и национального большинства позволяет определять мультикультурализм как политику признания. Особенно актуальной она является для таких стран, как США и Канада. В рамках мультикультурализма затрагиваются также и более общие вопросы, которые имеют значение практически для всех современных демократических государств [18, p. 3].

Концепции мультикультурализма и трактовки понятия «полиэтничность», имеющие свои особенности в научных традициях национальных государств, представляют собой попытки поиска новых интегративных идеологий по решению проблем коммуникативного, политического и социокультурного

характера в отношениях между национальным большинством и меньшинствами, между государством и меньшинствами, между культурными и этническими образованиями как таковыми на горизонтальном уровне. Кроме того, мультикультурализм является основой формирования идеологии полиэтнического национализма, в частности, в Австралии [19, S. 54]. Отличительной особенностью современного мультикультурализма является то, что он имеет дело не только с этническими или культурными меньшинствами, но со всеми видами (группами) меньшинств (сюда включается, например, феминизм) [17, p. 28–29].

Следует различать две основных формы современного мультикультурализма. Возникновение и развитие одной из них связано со странами, население которых формируется за счет миграции: Канада, США, Австралия. Другой – с европейскими национальными государствами, в которых мультикультурализм является политикой заимствованной, своеобразно понимаемой и в известной мере чужеродной. Здесь мультикультурализм обусловлен, во-первых, миграцией и комплексом проблем, ею вызванных, во-вторых, – активизацией региональных этнокультурных и этнополитических движений, стимулируемых как процессами глобализации, так и общеевропейской интеграции [20, S. 26–27].

Кроме того, причинами культурной плюрализации национальных обществ являются межкультурная коммуникация; рост социальной мобильности населения; влияние средств массовой коммуникации; иммиграционные процессы, туризм.

Исторически одна из наиболее ранних попыток введения мультикультурализма как государственной политики, направленной на интеграцию федеративного государства [21, S. 176], была предпринята в Канаде в 1960-е гг. Уже тогда было высказано мнение, что билингвизм, или политика двуязычия, может способствовать достижению национального согласия, устранению острых противоречий между англоязычной и франкоязычной общинами этой страны. Канадский мультикультурализм был тем путем, который позволил понимать Канаду не как «плавильный котел», а как страну культурно мозаичную [16, p. 884]. В отличие от других многонациональных государств, здесь для решения комплекса экономических, социально-статусных, культурных противоречий между англо-канадской и франко-канадской группами населения был использован принцип политической трактовки национальной идентичности, известный еще со времен Великой французской революции в виде лозунга – «нет нации места в нации». С его помощью из политической риторики и практики национального строительства исключались этнические параметры групп населения в пользу единой общегосударственной идентичности наряду с признанием и сохранением культурного многообразия. В теоретическом плане весьма показательна оценка таких усилий, данная Г. Лебоном еще в конце XIX в. на примере Франции. Общность чувств, единство психического склада французского народа, которые были присущи ему уже на исходе XIX в., и на достижение которых при естественном ходе развития событий требовалось, по меньшей мере, несколько столетий, были сформированы в результате французской революции в самые короткие сроки. «Может быть, самое важное дело французской революции было то, – писал ученый, – что она ускорила это образование почти совершенным уничтожением мелких национальностей: пикардийцев, фламандцев, бургундцев, гасконцев, провансальцев и т.д., между которыми

Франция была некогда раздроблена. Нужно, впрочем, чтобы объединение было полное, и именно потому, что французы состоят из слишком разных рас и имеют, следовательно, слишком разные идеи и чувства, они делаются жертвами раздоров, каких не знают более однородные народы, например, англичане» [22, с. 20–21]. Именно эта идея – создание общеканадской политической идентичности с одновременным сохранением культурного многообразия населения страны была положена в основу канадского мультикультурализма, основные положения которого были выработаны специальной комиссией в ходе многолетних научных исследований. Вместо этничности как важнейшего основания групповой идентичности были предложены понятия языка и культуры, а не понятия этнического различия той или иной группы населения. Этим подходом, как подчеркивает В.А. Тишков, фактически исключался вопрос о многонациональном составе канадского государства, сам факт неравного положения франко-канадской нации в сравнении с господствующим англо-канадским большинством. Центр проблемы перемещался на ее культурно-лингвистические аспекты. Именно поэтому комиссия отказалась от терминов «англоканадец» и «франкоканадец», взяв на вооружение более расплывчатые и менее определенные термины «англофоны» и «франкофоны», означающие франкоязычную и англоязычную массы населения. Не две нации, а две категории граждан, отличные прежде всего по языку, – таков один из основных принципов, которым руководствовалась комиссия. На свой манер было истолковано и понятие «равного партнерства». «Это означает, – писали авторы доклада, – равенство англоязычных и франкоязычных канадцев, независимо от их этнического происхождения» [23, с. 210]. Речь здесь идет не о достижении абсолютного равенства обеих групп, а, скорее, о равенстве возможностей канадцев, говорящих на разных языках. Стремление к замещению этнических параметров групповой и индивидуальной идентичности культурными основаниями, характерное, например, для внутренней политики современной Франции [24, с. 10; 25, S. 73–74], введение и обеспечение принципа равных возможностей составляет сущность мультикультуральной перспективы развития полиэтнических обществ. Равноправное положение различных культурных групп в границах единого государства подчеркивает его доминантное значение в регулировании процессов межкультурного взаимодействия. Признание равного статуса культур на государственном уровне является одновременно манифестацией идеи о том, что в мультикультуральном обществе не существует более доминирующего культурного центра или господствующей культуры большинства. Оно представляет собою сосуществование конгломерата культур, коммуникативные стратегии носителей которых, помимо государства, определяются также опытом повседневного общения с полиэтнической и поликультурной внешней средой [26, S. 97]. Открытым при этом остается вопрос о возможности сохранить культурами в рамках единого общества свои отчетливые отличия или «сплавиться» в одну глобальную с небольшими модификациями культуру [4, S. 108]. И. Уоллестейн, указывая на неизбежность культурной и этнической интеграции различных групп населения в стабильных границах государства, подчеркивает его особую роль в формировании национальной общности, народа, обладающего общей культурой и единой идентичностью [27, S. 16]. Между тем, именно интеграционные усилия государства стимулируют

чаще всего рецидивы этнического сепаратизма. Реальная утрата или опасность утраты группой или индивидом их этнокультурных особенностей является причиной рассмотрения государства как внешней угрозы, единственным средством борьбы с которым в таком случае остается возрождение или актуализация этничности. Политика канадского мультикультурализма не смогла устранить важнейшие противоречия в отношениях между франкоязычной и англоязычной общинами страны. С этой точки зрения она оценивается как неудавшаяся [28, с. 61].

Трудности, переживаемые канадской нацией, характерны в целом для всех полиэтничных государств. Отметим лишь некоторые из них. Во-первых, каждая из этнических групп населения страны имеет свою историю, свою «национальную мифологию» и по-своему оценивает собственную роль, значение для существования канадского государства. Этим обстоятельством во многом обусловлены и их притязания на перераспределение властных ресурсов. Во-вторых, англоканадцы, франкоканадцы и аборигенные индейские группы населения имеют достаточно отчетливую территориальную локализацию. Вследствие этого внутринациональные противоречия отягощаются риторикой территориальности. В-третьих, межрегиональные, внутринациональные коммуникации населения затрудняются географическим положением и ландшафтом страны. Социокультурный и политико-идеологический плюрализм населения Канады детерминирован также внешними факторами. Например, экономическим, демографическим и культурным влиянием «южного соседа» – США [29, с. 320–321; 23, с. 208]. Дополнительные трудности по национальной консолидации создаются интенсивной иммиграцией, так как иммигранты имеют различные этнокультурные корни и формируют свои общины [28, с. 61–62]. По выражению В. Бредофф, Канаду можно сравнить с «мировой деревней», воплощающей в себе транснациональный образ мультикультурализма, в «котором сходятся и сосуществуют различные религии, философии, стили жизни и политические предпочтения» [30, S. 133]. Несмотря на трудности, переживаемые канадским государством, доминанту которых составляет борьба между франкоговорящим населением Квебека и остальной англо-говорящей частью населения страны, политика мультикультурализма имеет ряд весьма важных позитивных последствий. Прежде всего, конституционная борьба между Квебеком и правительством стимулирует необходимость осуществления политики признания прав национальных меньшинств. Идеология мультикультурализма снимает проблему этничности, этнического сепаратизма, переводит ее в конституционное русло, ориентируя поиск компромиссных решений на создание общеканадской государственно-политической идентичности, частью которой могла бы стать идентичность национально-групповая или региональная. Конституционный кризис не угрожает распадом Канадской Конфедерации [28, с. 60], так как Квебек, по словам известного философа Ю. Хабермаса, «хочет стать государством в государстве или создать такое объединение, для которого потребуются широкий спектр федералистских конструкций, т.е. свободной конфедерации» [17, S. 119]. В Канаде децентрализация власти связана, таким образом, с проблемой меньшинства, которое хотело бы стать большинством в собственном доме [23, с. 220–223]. Парадокс этого процесса заключается в том, что с возникновением нового национального образования и конституирования его как государства опреде-

ленного этнокультурного большинства приведет к возникновению новых национальных и этнических меньшинств [17, S. 119].

В Австралии мультикультурализм становится официальной политической доктриной начиная с середины 1970-х гг. По крайней мере, именно в это время мультикультурализм стал определяющим принципом в таких сферах, как образование, социальная политика, избирательная система и стратегии, миграционная политика, развитие и регулирование рынка труда. Как государственная политика мультикультурализм призван способствовать развитию особой формы либеральной идеологии, посредством которой полиэтническое австралийское общество на основе политических решений, законодательных и иных мер, принимаемых правительством, стремится реализовать стратегии социального согласия и стабильности.

Модель мультикультурального развития австралийского общества весьма сходна с особенностями развития Канады, США как обществ классической иммиграции [31, с.163]. На протяжении всей истории австралийского государства иммиграционные процессы, этнокультурная плюрализация страны, находились под его жестким контролем [19, S. 44]. Иммиграционные квоты планировались в рамках переселенческих программ и обусловлены были «гравитационной силой экономики» [32, S. 186]. Основную массу мигрантов составляли выходцы из западноевропейских государств, тогда как по отношению к мигрантам из стран Азии, воспринимавшихся австралийским общественным сознанием как «желтая опасность» [19, S. 49], серьезные ограничения на въезд сохранялись вплоть до последней четверти XX в. [15, с. 29]. Так же, как и в других индустриально развитых странах, в Австралии пик миграционного притока населения пришелся на конец 1960-х–начало 1970-х гг. Резкое усложнение этнического состава страны сопровождалось ростом межэтнических противоречий и социальной напряженности в целом. Для решения этих проблем в 1972 г. в Австралии вводится программа помощи и обучения мигрантов, которая стала важной частью политики социальных реформ. В это время фокус усилий правительства был направлен больше на социальную поддержку мигрантов, чем на развитие и сохранение их культуры. Начиная с 1977 г. в политике по отношению к мигрантам произошли серьезные перемены. В ней стали доминировать не социальные вопросы, а идеология. Автором идеологической программы мультикультурализма стал профессор Национального университета Дж. Зубржицки. Ее основными задачами являлось достижение единства общества, формирование общенациональной культурной идентичности, обеспечение равных социальных шансов для всех членов общества независимо от их этнического происхождения и религиозной принадлежности, равных обязанностей и ответственности за будущее страны. Особое место этничности в идеологии австралийского мультикультурализма было определено в документе, составленном под влиянием идей Дж. Зубржицки в 1983 г., и названном «Мультикультурализм для всех австралийцев». В нем признание и поощрение этнических различий рассматривалось как важнейшее условие будущего развития австралийского общества. Основная трудность подобного подхода к определению перспектив развития страны состояла, между тем, в решении вопроса о конкретных путях, возможностях и целесообразности развития этнокультурного плюрализма и осуществления задач по формированию единой общеавстралийской

идентичности. Кроме того, важно было уяснить, какое же значение имеет мультикультурализм как совокупность универсальных социальных ценностей. Наиболее влиятельным оказалось мнение о том, что национальную идентичность следует формировать не только на основе общности происхождения или на идее родства, но так же на основе других партикуляристских ценностей, которые часто являются производными от этничности [19, S. 55, 67].

В отличие от канадского варианта мультикультурализма, стремящегося к нейтрализации этничности в вопросах политики и идеологии, австралийский мультикультурализм в качестве доминирующей социальной ценности выдвигает этническую группу и ее культуру. В соответствии с этим уже с конца 1970-х гг. социальная помощь оказывается государством не мигрантам вообще, а определенным этническим группам. В соответствии с этим существенно возросла их роль во внутреннем самоуправлении, вырос авторитет глав этнических общин. Лидеры этнических групп активно используются государством для достижения своих целей. Одновременно происходит процесс кооптации этнических социальных структур в социальную структуру австралийского общества [15, с. 33]. Аналогичные процессы имеют место и в других странах.

США с момента своего возникновения являются обществом мультиэтническим [14, S. 29], однако термин «мультикультурализм» появляется здесь лишь в 1970-е гг. в форме «этнического возрождения». Позитивное восприятие этнической и культурной дифференциации населения в социальных науках в этот период значительно усилилось. Политика «плавильного котла» как идеологический принцип оказалась не в состоянии объяснить происходящие в стране процессы. Как справедливо заметил Дж. Хатчинсон, «ассимиляционизм далеко не продвинулся в политике США как цель» [2]. В противоположность Австралии и Канаде, в США мультикультурализм получил развитие не по инициативе правительства, т.е. сверху, а был инициирован снизу в результате активизации социального движения четырех этнических групп: поляков, греков, итальянцев и словаков, боровшихся за свои права. Это был очень важный прецедент, позволивший пересмотреть политику правительства не только по отношению к неанглосаксонскому белому населению страны, но и по отношению к черным гражданам государства, движение которых в решающий момент было поддержано немногочисленным, но весьма влиятельным еврейским населением и мощным студенческим движением. Пересмотр на политическом уровне проблемы противоречий между черным населением и государством позволил признать де-факто наличие политико-правовой дисфункции в отношениях и с белыми неанглосаксонскими гражданами и перевести ее разрешение из области политики, т.е. прямых вертикальных отношений между государством и этнической группой как субъектом права, в область культуры [21, S. 174]. Этот переход от формальных к субстанциональным, т.е. от правовых к культурным, вопросам через признание факта мультикультуральности американского общества позволил деполитизировать движение как черного, так и белого населения за гражданские права. В настоящее время мультикультурализм является в США одним из важнейших компонентов государственной идеологии. Различные этнические и культурные группы населения формируются и действуют в основном против аналогичных образований, являющихся конкурентами в распределении материальных, сырьевых и властных ресурсов. Именно здесь, по мнению И. Уоллер-

стейна, концентрируется зона наибольшей политической турбулентности [27, S. 15–16].

В американской традиции либеральная модель развития общества имеет существенные внутренние противоречия. Она не только допускает выведение культурной и религиозной практики на индивидуальный уровень, но ориентирована также на то, чтобы различные группы людей могли свободно добиваться реализации своих культурных и политических целей [33, р. 264]. Как отметил известный норвежский антрополог Т. Эриксен, самые поздние по времени группы мигрантов – испаноговорящие католики – дают наиболее интересный пример социальной проблемы [34, р. 141]. В отличие от других более ранних групп мигрантов, интегрировавшихся в американское общество, католики сохраняют испанский язык более, чем на два поколения. В некоторых американских городах испанский становится вторым официальным языком. Высокая концентрация в городах южных штатов выходцев из Латинской Америки способствует тому, что они стараются сохранить свою культуру и особую идентичность. «Если испаноговорящая община, – подчеркивает Т. Эриксен, – преуспеет в сохранении испанского языка как родного, то мы столкнемся с новой фазой строительства американского государства, когда лингвистическое многообразие будет условием существования нации [34, р. 142]. Однако в случае с американским мультикультурализмом речь идет не столько о языковом и культурном плюрализме – группы иммигрантов довольно быстро подвергаются нивелирующему воздействию индустриальных, массовых форм культуры американского общества, – сколько о возрастающем значении этничности. По мнению известного немецкого социолога Ф.О. Радтке, программа мультикультурализма в тех странах, где она принята в качестве официальной политики, к настоящему времени дала очень мало позитивных результатов, но принесла весьма ощутимые побочные эффекты. Например, в стране продвинутого мультикультурализма – США, волна расизма, этнического сепаратизма, сегрегации захватила не только улицы, но и университеты. Здесь студенты не только в столовых, кафе, но и в аудиториях сидят по расовому и этническому признаку. Там, где от политики мультикультурализма ждали новых форм интеграции, этнической гармонии прогрессирует новая форма самосегрегации. Партикулярный мультикультурализм ищет значение, смысл этнической границы как формы, в рамках которой возможно осуществление права на культурное и этническое самоопределение. Он воспроизводит с этой целью дифференцирующие культурные образцы, которые потеряли в обществе свое объективное значение, но на субъективном уровне не утратили привлекательности. Парадокс современного общества состоит в том, что оно вынуждено признавать этническую дифференциацию и даже способствовать ее воспроизводству, не получая от этого никакой социальной пользы [21, S. 178]. Американская нация представляет собой пример этнически структурированного общества. Здесь конструирование этничности происходит в направлении создания так называемых панэтнических групповых структур, что усиливает их политический вес и возможности. Панэтнические образования характеризуются тем, что у них почти полностью отсутствует этнокультурное содержание. Имеющиеся незначительные этнические различия между корейцами, вьетнамцами и китайцами совершенно не мешают им во имя общих политических выгод объединяться под общим названием «американские азиатцы». Аналогичная ситуация имеет место и среди американских негров, которые из-за групповых

целей не отличают себя от карибских негров и собственно мигрантов из черной Африки [35, S. 311].

Значение термина «мультикультурализм» существенно расширилось с его проникновением в конце 1970-х–начале 1980-х гг. в европейские государства. Так, например, в Великобритании, где он появился ранее, чем в других странах, мультикультурализм хотя и приобрел облик уважаемого национализма [36, р. 158], но в сферу публичного обсуждения был вовлечен через практику мультикультуральной образовательной теории [37, р. 171]. Здесь концепция мультикультурализма вызвала дискуссию в области педагогики, так как по мнению британских специалистов, только через обучение и соответствующее образование населения можно добиться переосмысления своей национальной идентичности ввиду заметного усложнения этнического и расового состава населения страны [38, S. 538]. Весьма интересно, что в эти же годы в СССР также широко обсуждались проблемы изучения культур аборигенных народов, региональных групп населения, а также школьного обучения с широким использованием этнокультурной информации. Мультикультурализм понимался при этом как инструмент для улучшения морального облика современного общества, в границах которого имела место расовая, этническая, культурная дискриминация, а также использовался для выработки оптимальных стратегий межкультурной и социальной коммуникации.

Из Великобритании идеи мультикультурализма проникли в другие страны Западной и Северной Европы. Остановимся на примере Германии. Здесь численность мигрантов, в период с послевоенного времени до конца 1990-х гг., выросла до 6 млн человек [39, S. 46]. Начиная с 1980-х гг., проблема «мультикультуральной реальности» стала обсуждаться экспертами по интеграции сначала в церквях и профсоюзах, а затем уже в научной печати, поскольку был снят официальный запрет на широкое обсуждение этой темы [40, S. 20]. Еще в 1970–1980-е гг. вопрос о признании мультикультуральности немецкого общества, впрочем, как и других европейских обществ, не вызывал особой тревоги. Тема мультикультуральности, многообразия культур в границах национального государства представлялась даже надуманной, поскольку мигранты–рабочие, анклавы которых и являлись фактическим воплощением культурного разнообразия, имели ограниченный срок пребывания в стране и рано или поздно должны были ее покинуть. Однако в начале 1970-х гг. иностранным рабочим было разрешено ввозить в Германию семьи, остававшиеся до этого на родине, что радикальным образом изменило динамику процесса этнокультурной плюрализации, придало ему по существу необратимый характер. Именно в это время немецкое население пережило шок от перспективы мультикультурализма, поскольку на его глазах разрушалась привычная, устоявшаяся в культурных и коммуникативных алгоритмах картина, эмоциональное восприятие «своего общества», образ которого неожиданно быстро стал уходить в прошлое. Особую тревогу вызвало то обстоятельство, что у правительства страны не было ясной концепции миграционной политики. В этих условиях, пишет известный специалист по истории миграций К. Баде, «страх «снизу» столкнулся с отсутствием концепции «сверху». В обществе это нашло свой выход, с одной стороны, в иррациональности, социальной фрустрации и политической апатии, с другой – в широко распространившейся враждебности к иностранцам–рабочим, а также в фатальной неизбежности применения насилия [40, S. 13, 20]. Как отмечают немецкие специалисты по проблемам международной эмиграции,

запрет на ввоз в Германию иностранной рабочей силы в 1973 г. стал ответом правительства на реакцию немецкого населения, не желавшего перемен в социальной действительности государства, выступившего против изменения социального статуса мигранта в его эволюции от «терпеливого гостя» до гражданина [39, S. 57].

На протяжении 1980-х гг., несмотря на непрекращающийся иммиграционный поток, полиэтничность немецкого государства существенно не изменилась. У населения страны обнаружилась даже тенденция к привыканию к ситуации полиэтничности. Однако в эти же годы начался важный этап научных исследований, имевших своей целью формирование особой национальной идеологии, посредством которой можно было бы подготовить мультиэтническую, мультикультуральную саморефлексию общества на процессы глобализации, охватившие сферы капитала, товаров, услуг, рынка труда. Идея мультикультурализма стала олицетворением будущей государственной идеологии, которая смогла бы предложить компромисс между потребностью государства в иностранной рабочей силе и представлениями немецкого общества о его этнической гомогенности и гомогенности национальной культуры. Основная трудность в создании идеологии мультикультурализма состоит в том, что в Германии этническая идентичность людей представляется бесспорной реальностью, являющейся основополагающей для представлений о народе как о социальной реальности. С этой точки зрения народ может выступать либо как целостное общество, либо как его часть, т.е. этническая группа. При этом происходит постоянная путаница между этнической принадлежностью, обществом и государством. Она усиливается тем, что государство, использующее из идеологических соображений этническую идентичность, одновременно создает убеждение, что социальные структуры государства и общества являются продуктом их принадлежности к этносу, открытой манифестацией этого обстоятельства. Этническая общность как сообщество представляет в связи с этим естественное, органическое целое, тогда как общество – это лишь искусственно организованное социальное единство. Социальная стабильность, культурные достижения, экономическое процветание – все это есть результат усилий этнического сообщества. Обществу приписываются все имеющиеся недостатки: безработица, рост преступности, экологические бедствия, а этническому сообществу – лишь прогрессивные, созидательные начала [6, S. 50, 56–58, 154–155]. Вопреки бытующим на уровне обыденного сознания представлениям о немецком народе как об общности по происхождению, мультикультурализм представляет собой один из перспективных вариантов тотальной социальной интеграции. Об этом свидетельствует также дискуссия о формах и сущности мультикультурализма. Как отмечает Ф.О. Радтке, в Германии имеется несколько точек зрения на эту проблему. Одну из них представляет группа политиков, занимающихся социальными проблемами и рынком труда. К ним примыкают также предприниматели и промышленники. В целом позитивно оценивая мультикультурализм, они выдвигают против его внедрения ряд контраргументов. К их числу относятся: опасность возникновения демографических проблем, перенаселение страны и ущемление тем самым прав немецких граждан, необходимость контроля за процессом иммиграции, так как государство может иметь серьезные трудности в гарантиях минимальной социальной защиты

мигрантов, кроме того, вероятность роста конкуренции за рабочие места может привести к дестабилизации социальной сферы [21, S. 178].

Другая группа специалистов, использующих термин «мультикультурализм», – это социальные работники, социальные и школьные педагоги. Они полагают, что инструментальное использование мультикультурализма открывает перед ними новые возможности в выработке прогрессивных социальных технологий и наведении порядка в таком важном вопросе как миграционный процесс. С его помощью они пытаются дифференцировать группы мигрантов по языку, религии и помочь им поселиться в таких регионах и городах страны, где они по этнологическим параметрам не ощущали бы сильного диссонанса с внешней средой. Школьные педагоги создают программы межкультурного воспитания учащихся [41, S. 202–221], так как в Германии есть такие города, где в школах преобладающее количество учеников составляют дети мигрантов [21, S. 177].

Следует подчеркнуть, что немецкое общество не является еще мультикультуральным. Его этнокультурная плюрализация рассматривается здесь как состояние этнической «мозаичности» со слабыми или вовсе отсутствующими горизонтальными связями между различными этническими группами. Одновременно «мозаичное общество» понимается как ступень на пути к обществу мультикультуральному [32, S. 185]. Перспектива развития общества связывается в Германии не с обсуждением темы монокультурности или дезинтегрированного мультикультурализма, ведущего к социальной энтропии [16, p. 886], а с идеей культурно-интегрированного общества, которое займет промежуточное положение между двумя этими крайними полюсами и будет олицетворять собой процесс постоянной культурной интеграции разнородных этнокультурных компонентов. Важнейшей характеристикой такого общества станет не определенное стабильное, «застывшее» состояние с неизменным набором культурных комплексов и символов, а процесс культурной диверсификации, бесконфликтного культурного взаимодействия и взаимовлияния [39, S. 112].

Итак, мультикультурализм представляет собой явление весьма разнородное с содержательной точки зрения. Внешняя привлекательность термина с его кажущейся исключительно культурной детерминированностью довольно часто перемежается с этническим содержанием. В различных странах он понимается то как идеология и политика, то как социальная технология. Между тем его прогрессивное значение состоит, как представляется, в постоянном поиске интеграционного модуса современных национальных обществ. Их стабильность, устойчивость динамического развития может быть обеспечена лишь тогда, когда примордиальные конструкции этничности будут преодолены осознаваемым на уровне общества стремлением к интеграции и исчезнут как основания дискриминации одних групп другими, как основания прав и обязанностей граждан государства.

Литература

1. Thadden R. Aufbau nationaler Identität: Deutschland und Frankreich im Vergleich // Nationale und kulturelle Identität: Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit / Hrsg. B. Geisen. Frankfurt/Main, 1991.
2. Hutchinson M. Nathan Glazer. We are All Multiculturalists Now: Book Review // Ethnic and Racial Studies. 1998. Vol. 21. № 2.

3. Kontos M. Etnische Kolonien und multikulturelle Gesellschaft // Migration und Ausländerfeindlichkeit / Hrsg. G. Bohme, R. Chakraborty, F. Weiler. Darmstadt, 1994.
4. Deger P. Etnische Grenzziehungen, Bürgerstatus und Multikulturelle Gesellschaft: Gastarbeiter in Deutschland // Kollektive Identität in Krisen / Hrsg. R. Hettlage, P. Deger, S. Wagner. Opladen, 1997.
5. Barth F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond «Ethnic Groups and Boundaries». Amsterdam, 1996.
6. Hoffmann L. Die unvollendete Republik zwischen Einwanderungsland und deutschem Nationalstaat. Köln, 1992.
7. Hoffmann L. Die unvollendete Republik zwischen Einwanderungsland und deutschem Nationalstaat. Köln, 1992; Hansen G. Migration und Fremdfeindlichkeit – soziale und kulturelle Wirkungen // Migration und Ausländerfeindlichkeit / Hrsg. G. Bohme, R. Chakraborty, F. Weiler. Darmstadt, 1994.
8. Oberndorfer D. Nationale Identität und multikulturelle Gesellschaft // Ausländer, Aussiedler, Asyl in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. K. Bade. Hannover, 1994.
9. Heckmann F. Etnische Vielfalt und Akkulturation im Einwanderungsprozess // Das Manifest der 60 Deutschland und die Einwanderung / Hrsg. K. Bade. München, 1994.
10. Бороноев А.О. Предисловие // Обновление: Межнациональные отношения и перестройка: Материалы науч.-практич. конференции / Под ред. А.О. Бороноева, Р.Ф. Итс, М.Н. Росенко. Л., 1989.
11. Куропятник А.И. Этносоциальные процессы в регионе (на примере Ленинградской области в 1920-е гг.): Автореф. канд. дис. СПб., 1992.
12. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
13. Goetze D., Muehlfeld C. Ethnosozologie. Stuttgart, 1984.
14. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft: Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller / Hrsg. M. Haller. Zurich, 1991.
15. Петриковская А.С. Австралийский мультикультурализм: Опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2.
16. Wieviorka M. Is the Multiculturalism the Solution? // Ethnic and racial studies. 1998. Vol. 21. № 2.
17. Habermas J. Struggles for Recognition in the Democratic Constitutional State // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton; New Jersey, 1994.
18. Gutmann A. Introduction // Multiculturalism. Princeton; New Jersey, 1994.
19. Castles S. Sozialwissenschaften und ethnische Minderheiten in Australien // Ethnizität Wissenschaft und Minderheiten / Hrsg. E. Dittrich, F.-O. Radtke. Opladen, 1990.
20. Hettlage R. Identität und Integration: Ethno-mobilisierung zwischen Region, Nation und Europa – eine Einführung // Kollektive Identität in Krisen / Hrsg. R. Hettlage, H. Deger, P. S. Wagner. Opladen, 1997.
21. Radtke F.-O. Multikulturalismus: Ein postmoderner Nachfahre des Nationalismus // Ausländer, Aussiedler, Asyl in der Bundesrepublik Deutschland. Hannover, 1994.
22. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
23. Тишков В.А. Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы. М.: Наука, 1977.
24. Любарг М.К. Регионализм и культурно-лингвистические меньшинства во Франции // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.
25. Verbunt G. Minderheiten und Sozialwissenschaften in Frankreich // Ethnizität / Hrsg. E. Dittrich, F.-J. Radtke. Opladen, 1990.
26. Lipp W. Regionen, Multikulturalismus und Europa: Jenseits der Nation // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften / Hrsg. B. Estel, T. Mayer. Opladen, 1994.
27. Wallerstein I. Krise als Übergang // Dynamik der Globalen Krise. Opladen, 1986.
28. Суси П.И. Нация, культура и кризис идентичности: Эссе о мультикультуральных обществах // Этничность: Национальные движения. Социальная практика. СПб., 1995.
29. Этнические процессы в современном мире. М., 1987.
30. Bredow W. Kanada – auf dem Weg zum postmodernen Nationalstaat? // Das Prinzip der Nation in Modernen Gesellschaften. Opladen, 1994.
31. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

32. Faul E. Gegen die Multikulturisten // Ausländer, Aussiedler, Asyl in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. J. Bade. Hannover, 1994.
33. Kymlicka W. Liberalism, Community and Culture. Oxford, 1991.
34. Eriksen T. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. L., 1993.
35. Neckel S., Koerber K. Last exit ethnicity? Zur politischen Konstruktion von Ethnizität in den USA und Deutschland / Hrsg. R. Hettlage, P. Deger, S. Wagner. Opladen, 1997.
36. Lichtenberg J. Nationalism, For and (Mainly) Against // The Morality of Nationalism. New-Oxford, 1997.
37. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. L.; N. Y., 1997.
38. Sollers W. Konstruktionsversuche nationaler und ethnischer Identität in der amerikanischen Literatur // Nationale und kulturelle Identität Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit / Hrsg. B. Geisen. Frankfurt/Main, 1991.
39. Gebauer G., Taureck B., Ziegler T. Ausländerfeindschaft ist Zukunftfeindschaft Plädoyer für eine kulturintegrative Gesellschaft. Frankfurt/Main, 1993.
40. Bade K. Tabu Migration: Belastungen und Herausforderungen in Deutschland // Das Manifest der 60 Deutschland und die Einwanderung. München, 1994.
41. Bukow W.-D. Feinbild: Minderheit zur Funktion von Ethnisierung. Opladen, 1996.